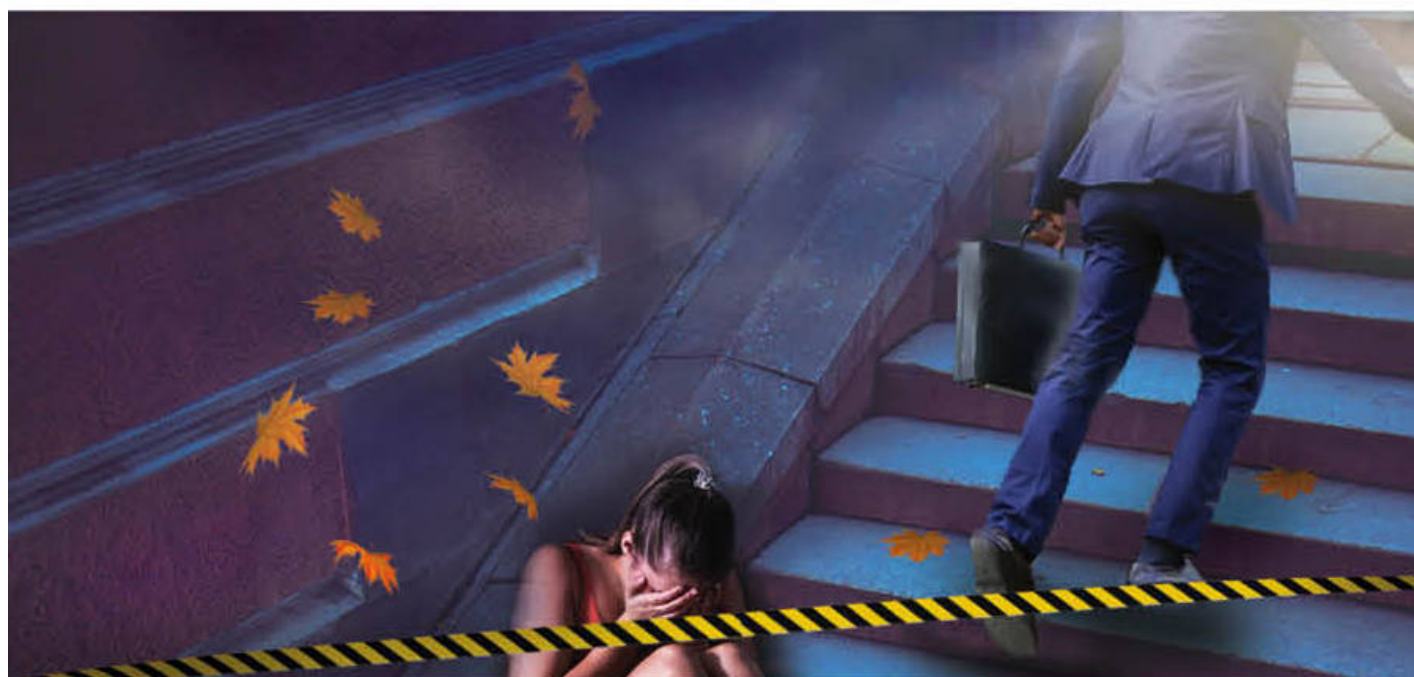

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Е.Б.Ж.

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Е.Б.Ж.

«ЭКСМО»

Гармаш-Роффе Т. В.

Е.Б.Ж. / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Брошенная мужем, отвергнутая общими друзьями, Вика оказалась совершенно неприспособленной к жизни: никчемная дамочка, мужнина жена, и то бывшая... Отчаявшись, она даже решилась подобрать с помойки бомжа: отмыть, одеть и сделать из него себе защитника... Жажда реванша приводит ее в фирму, отписанную супругом при разводе, где Вика взялась директорствовать, плохо понимая, во что она ввязалась. Угодив в самую гущу опасных и жестоких бизнес-игр, Вика поздно осознала – счет в них идет не только на деньги, но и на жизнь, на ее жизнь. Труп кошки с загадочным кулоном в ее квартире, затем труп незнакомой девушки в ее постели, – это предупреждения! Но о чем?! От кого?! Чтобы не стать третьим трупом, Вика должна срочно понять, что происходит вокруг нее! Однако ее коллеги темнят, а «прирученный» бомж исчезает. Никого нет рядом, некому ей помочь... Кроме частного детектива Алексея Кисанова.

© Гармаш-Роффе Т. В.

© Эксмо

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Гармаш-Роффе

Е.Б.Ж.

Автор благодарит сайт <http://it2b.ru/> за предоставленные материалы по конкурентной разведке; а также Евгения Ющука, члена Международного общества профессионалов конкурентной разведки SCIP, автора книги «Конкурентная разведка», – за консультации.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно. Казалось, что все впереди...

Хотя, что может быть впереди, когда все ее желания уже исполнились?..

Сегодня ей выпал особый подарок: приползла неуклюжая серая туча, и из нее повалились огромные белые хлопья, покрывая уличный шум своим беззвучием. Фонари светились, словно через кисею, и Вике казалось, что сейчас нежно вступит оркестр, заиграет увертюру, кружевной занавес разомкнется, и за ним обнаружится новая, иная, восхитительная жизнь...

А потом она стояла в прихожей, и мех ее шубки был мокрым от снега и от слез.

...Теперь уже не вспомнить, почему они застыли в прихожей. Кажется, она удивилась, что муж оказался дома так рано. А он ответил, что пришел специально, чтобы поговорить о важном. И она потребовала сказать «важное» немедленно.

Немедленно!!!

...Огненное атомное облако накрыло ее с головой: волосы горели, кожа плавилась, и радиация иссушила костный мозг. Она стала обугленным трупом за первые полчаса разговора.

А он старался быть непринужденным, ее ободрял:

– Это не конец жизни, Вика, ты найдешь себе другого мужчину, ты красивая и молодая, тебе всего тридцать пять, а я для тебя уже стар, я не соответствую тебе... Ну, не плачь, Вика, я оставлю тебе деньги, переведу на тебя все имущество в Москве, не плачь! Сейчас в тебе говорит задетое самолюбие, а на самом деле не так уж ты меня любила, чтоб убиваться теперь... Ты это поймешь скоро сама, вот увидишь!

– Что в ней такого, чего нет у меня?!

– Ничего.

– Но ты уходишь от меня – к ней!!! Она красивее?

– Нет.

– Моложе?

– Старше. Вик, давай ты успокоишься, и мы тогда поговорим.

– Так чем же она тогда лучше меня, чем?!!

...Они почему-то так и стояли в прихожей, – теперь уже не вспомнить почему.

Она рыдала, она била его кулачками в грудь, принимала к нему с солеными поцелуями в надежде ощутить привычный отклик его тела... Все напрасно. Насильно усадив ее на кухне,

он занял табурет по другую сторону стола – *стола переговоров* – и объяснил все до странности обычными словами:

– Мне с ней легче. Проще. Я виноват перед тобой, не надо было мне жениться на столь молодой женщине... Я устал тебе соответствовать, Вика, просто устал! Мне пятьдесят четыре, я много работал, я многого добился, я старался быть тебе хорошим мужем и любовником, но я устал, Вика... И хочу отдохнуть. Учитывая, что моложе я уже не стану, то вряд ли это желание переменится.

– А я?! Ты отдыхать, а я как же?!

Они так давно были женаты, что Вика теперь не понимала, как можно существовать без него, без Миши. Он все знал и умел. А она – ничего. Комнатный капризный цветок, живущий в изнеженном климате его опеки. И теперь какая-то сила распахнула окна на мороз, ледяной ветер мгновенно выдул парниковый воздух, и она дрожала, отчаянно ловя последние, утекающие, тонюсенькие струйки тепла... Она была уверена, что не выживет, умрет.

– Вика, перестань драматизировать. У тебя будут деньги, а это самое главное. Неужто ты не знаешь, как в магазин съездить за продуктами? Или за шмотками? Не глупи, ты прекрасно справишься без меня, ты уже большая девочка...

– Ты ее любишь?.. – спросила она с тоской.

– Да.

Новый приступ слез лишил ее возможности говорить, а он ждал, терпеливо и даже сочувственно переживал этот приступ, и краем сознания Вика оценила его жест: в иные времена Миша уже бы давно хлопнул дверью. Он не выносил ее слез.

– И что, ты хочешь *развестись со мной*?!

– Видишь ли... Дженнифер американка. Мы хотим купить дом в Калифорнии и наслаждаться там покоем и нашей любовью. Для этого мы должны пожениться, и без развода с тобой не обойтись. Не беспокойся, тебе ничего не придется делать, я сам все оформлю!

И, запеленговав подступающий очередной приступ плача, проговорил с напористой жизнерадостностью:

– Ты не пострадаешь финансово, Вика, не волнуйся, я обо всем позабочусь!!!

Но как мог он позаботиться, уехав на другой континент?! И разве проблемы бывают только финансовыми?!

Сразу, словно в знак протеста, захандрила машина, ее красавица «Лагуна». Вика знала, куда обращаться: они с Мишей ездили на двух машинах в этот автосервис, когда требовалось пройти техосмотр. Она даже знала там некоего Жору, к которому кое-как и доползла на закапризничавшей «лагунке».

Жора покопался в машине, и по его простодушно-хитрому лицу Вика обреченно поняла, что он ее надует. Но, поскольку она не имела ни малейшего понятия, в чем состояла реальная причина неисправности, ей пришлось заплатить, не перечая, восемьсот сорок шесть долларов: работа, плюс замена деталей, плюс надбавка за срочность.

Жора любил некруглые цифры – считал, что они вызывают больше доверия, – и при этом никогда не брал «на чай». Он был немелочен, Жора. Да и к чему мелочиться, когда из восьмисот с чем-то долларов семьсот и так были ему и на чай, и на пиво, и на прочие земные блага?

Домой Вике предстояло возвращаться без машины, оставшейся в автосервисе до завтра. Но как? На метро? Она совершенно забыла, когда ездила в метро последний раз. Оно пугало ее. Ей почему-то казалось, что она непременно упадет на эскалаторе. Что она свалится с платформы на рельсы. Что ее прищемят двери вагона.

Такси, однако, на горизонте не наблюдалось. Вика решила взять извозчика, выбросила руку вперед. Первыми притормозили такие непотребные «Жигули», что она отказалась в них садиться. Во второй машине, «Волге», имелось два усатых и смуглых лица, что окончательно расхолодило ее намерение прибегнуть к услугам частного извоза.

Отважившись, она направилась к метро, непривычно цокая каблучками об асфальт, почему-то оказавшийся слишком твердым, – и едва не подвернула ногу на первой же выбоине. М-да, это вам не выпархивать из машины прямо перед нужной дверью...

Дальше она шла, опустив очи долу, тщательно переступая и обходя каждую трещину и дыру в тротуаре, а было их великое множество...

В метро все прошло, по счастью, благополучно: она не скатилась с эскалатора, не упала на рельсы, и ее не прищемило дверью. Но вот зато по прибытии на станцию «Сокол» она пошла не к тому выходу, была вынуждена вернуться, снова пройти подземный коридор, подняться по лестнице и...

И здесь каблук сломался. Не выдержал такого издевательства. Вика, чуть не плача, разглядывала зажатый в руке каблук и решительно не знала, что ей делать. Прохожие смотрели насмешливо, лишь изредка попадались сочувственные взгляды.

А чего, собственно, она хочет от них? Не понесут же ее на руках до дома?!

Делать было нечего. Припадая на одну ногу, она потащила в сторону дома. Недалеко от ворот ограды, окружавшей ее высотку, она увидела бомжей, расположившихся на газоне за мусорными баками: двоих мужчин и одну женщину. Она их видела не раз, из окна своей золотистой, как стрекозка, «лагуночки». Это зрелище всегда отзывалось в ней состраданием, и она обычно проезжала побыстрее, не глядя на них: ничем не помочь, только сопли разводить...

Но сейчас она шла пешком, медленно, слишком медленно, припадая на бескаблучную ногу, и краем глаза оценила ситуацию. Теперь, в начале лета, она не казалась столь критически сострадательной. На газете перед бомжами находилась какая-то еда, и они ели, весьма оживленно разговаривая и посмеиваясь. Казалось, они чувствовали себя совершенно комфортно, словно устроили пикник.

Вика чуть внимательнее посмотрела на них, и вдруг до нее дошло, отчего бомжи так веселы: они потешались над ней!

Она вдруг разозлилась. Развернулась к ним всем корпусом, и, выставив руку с зажатым в ней каблуком, крикнула с вызовом:

– Что, у вас каблуки никогда не ломались, да?!

...Большей глупости и придумать было нельзя! Ну какие у бомжей каблуки, помилуйте?! Они, конечно же, покатались со смеху. Женщина так просто завалилась на спину. Один мужчина ухватился за живот; второй, бородатый, с наглой усмешкой уставился ей прямо в глаза.

Вика, полная негодования, гордо похромала дальше. В спину ей уперся голос:

– Мамзель, если хошь, за десятку донесу тебя до дома!

Она скосила глаза. Голос принадлежал мужчине, заросшему чуть не до глаз черной бородой, которого она немедленно окрестила Лешим. У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено.

Вика отвернулась. Только еще услуг бомжа не хватало!

Уже в своей квартире, в безопасности, в чудесной защищенности от внешнего неприветливого мира, в квартире, где шкаф битком набит обувью любой конфигурации для всех случаев жизни, в том числе и на низком каблуке, который не рискует отвалиться от соприкосновения с грубым московским асфальтом, – вот там, упавши на шелковое покрывало кровати, она разрыдалась. Жизнь унижала ее. Ее, предательски оставленную мужем, брошенную на произвол жестокой судьбы, без его ежесекундной опеки!

Глава 2

Впрочем, на следующий день жизнь показалась не такой уж и страшной. Вика даже ухитрилась, надев подходящие для такого мероприятия туфли, вполне благополучно доехать до автосервиса на метро. Забрав свою «лагуночку», она с удовольствием опустилась на комфортное водительское кресло и почувствовала себя почти счастливой.

Однако вскоре она допустила новую оплошность. Домашние запасы поистощились, и она отправилась в полюбившийся ей «Ашан» на Ленинградке. Накупив уйму всяких нужных и ненужных продуктов и вещей, она, нисколько не задумавшись, перегрузила пакеты из тележки супермаркета в багажник. И лишь подъехав к дому, вдруг озадачилась: а как же из багажника донести все это до лифта? А из лифта – в квартиру? Ведь пакетов много! И они тя-же-лы-е!!!

Хлопнув крышкой багажника, столь опрометчиво забитого покупками, она уселась в машину и задумалась. Допустим, она понесет тяжелые пакеты сама. Но как быть: оставить машину открытой, напротив подъезда, пока она не перетащит партиями все сумки? Или закрывать ее каждый раз? Значит, поставить сумки на землю, на грязный асфальт, захлопнуть багажник, щелкнуть замком, потом снова взять сумки и принести их, испачканные, домой?.. Потом опять спуститься, и все сначала?! Кроме того, она надолго перекроет таким образом проезжую часть перед домом и рискует собрать за своей машиной раздраженный хвост соседей...

Она кляла себя за неосмотрительность, за привычку покупать с Мишей сразу и помногу: все эти упаковки воды, с газом и без газа, молоко, соки, овощи, мясо... Без Миши-то она ест как птичка. На кой же черт она столько накупила?

Промучилась Вика без малого двадцать минут в раздумьях: нельзя ли попросить кого из соседей ей помочь? И, придя к неутешительному выводу, что это неудобно, она снова завела свою «лагуночку». Выкатив за ворота, она встала вровень с помойкой. Бомжи были на месте.

– Эй! – позвала она в окно. – Эй!

Они разом глянули на нее. Сегодня их было только двое – двое мужчин. Вика уперлась глазами в Лешего.

– Заработать хотите? Мне нужна небольшая помощь...

Леший посмотрел на нее удивленно, но глаза его смеялись. Над ней – кто бы сомневался!

Она сразу же пожалела о своей инициативе. Но Леший уже поднялся и лениво направился к ее машине.

– Ну? Че надо сделать?

– Сумки... – пробормотала она. – Донести надо...

– Сколько?

– Сумок? Я не считала...

– Рублей.

– Не знаю... Сто пойдет?

Леший кивнул, и Вика, проклиная все на свете, показала ему жестом: мол, садитесь в машину.

Но он отказался. Наверное, в нем все же была некоторая деликатность. Вика с ужасом представила, что сейчас этот грязный, дурно пахнущий человек плюхнется из-за ее глупости на соседнее сиденье...

Но он не плюхнулся. Он сказал, что дойдет до ее подъезда пешком.

Остальная часть этой затеи закончилась вполне благополучно: Леший в три приема перенес все упаковки и пакеты к двери ее квартиры, пока Вика дежурила у открытой «лагуночки», и, получив свои сто рублей, кивнул лохматой головой да был таков.

Как ни странно, но жизнь вскоре наладилась. Вика стала предусмотрительнее, непомерных закупок больше не делала, лишь еще раз воспользовалась помощью Лешего, но потом окончательно научилась покупать только необходимое и только посильными для ее нежной мускулатуры партиями.

Что ж, в конечном итоге муж не обманул ее. Более того, он оказался прав: видимо, не так уж она его и любила, как ей казалось... Месяца через два обида отпустила ее, а через три она уже вовсю наслаждалась жизнью. Она была молода и богата и главное – свободна!

Теперь мужчины, издавна крутившиеся в орбите Мишиной бизнес-планеты, стали смотреть на нее иначе. Их взгляды приобрели откровенный аппетит, речи – шампанскую игривость, а поведение – почти рыцарскую учтивость. Все дружно выражали готовность помочь решить проблемы и скрасить одиночество. Приглашения разного рода – от интимного ужина при свечах до крупного корпоративного праздника – сыпались, как из ящика Пандоры. Вика даже не подозревала, что так нравится всем этим давно знакомым мужчинам! При Мише они никогда не выказывали своего интереса... Ну, это понятно, в общем-то.

Что ж, тем лучше! Вернулись забытые ощущения двадцатилетней поры: бравурный парад восхищенных поклонников в ожидании ее благосклонного знака, и она, как принцесса на троне, капризно выбирает, кому из них стать счастливым, который не замедлит упасть к ее ногам в немом экстазе благодарности за то, что избран.

Впрочем, она вполне неплохо понимала, что ее эйфория вызвана комплексом неполноценности, который посеял в ней развод. Ее променяли на другую!!! Женское самолюбие было уязвлено, и Вике сейчас требовались массированные доказательства ее женских чар, способности обольщать, сводить с ума...

И она их имела в избытке.

Но эйфория закончилась быстро. Вика с удивлением обнаружила, что отнюдь не возраст делает человека мудрее, а только исключительно опыт. В свои тридцать пять она имела опыт отношений с мужчинами на уровне двадцатилетней девочки, по той простой причине, что с выходом замуж опыт сей был законсервирован.

Отчего до нее дошло не сразу, но все же дошло: восхищенные поклонники куда больше интересовались ее роскошными апартаментами и прочими материальными благами, чем милым личиком и стройной фигуркой. Не говоря уж о сокровищах ее души, даже она не была столь наивна, чтобы поверить в мужской интерес к такой несексуальной категории, как душа.

Нормальные же мужики отчего-то оказывались либо неудачниками, либо женатиками. На эти две категории ее нейроны и эрогенные зоны не отзывались. Замужество как статус ее не волновало, а романтическая любовь... Пока не получилось.

Ну и ладно. Вика ничуть не приуныла: оказавшись на свободе, она слишком бурно прожила череду скороспелых романов. Она их переела.

Посему, дав отставку поклонникам, она на некоторое время отказалась от выходов, предавшись блаженно-ленивому затворничеству. Это было совершенно новое, неизведанное удовольствие: *одиночество*. Конечно, Вика понимала: прелесть его заключалась в том, что оно *временное*, и по одному ее звонку найдутся люди, которые будут счастливы провести с ней вечер... Но пока она наслаждалась. У нее никогда еще не было в жизни настоящей возможности побыть с собой наедине: из родительского дома попала сразу в мужнин. И надо признать, что собственное общество Вике очень понравилось. Она даже договорилась с домработницей, что та будет приходить раз в неделю вместо трех, как раньше. Одиночество стало слишком ценным, чтобы его нарушал посторонний человек, а быт свелся к минимуму: обслуживать лично себя было легко и нехлопотно.

Вика проводила время за чтением книжек и просмотром любимых фильмов. И даже вытащила из сундука – настоящего старинного сундука, еще прабабушкиного! – откопав под любимыми с детства зайчиками и мишками, свой дневник.

О нет, никаких девических секретов в нем не содержалось. Там были всего лишь наброски: ее мысли и разрозненные красивые фразы, которыми она пыталась передать свои впечатления о природе или людях.

Вика уж лет пять как ничего в дневник не писала. Бог весть почему. А вот сейчас вдруг хлынули потоком разные слова – смешные, красивые, иногда неуклюжие, иногда парадоксальные, иногда очень точные... И ей доставляло удовольствие перекладывать их на бумагу, перечитывать, править: *«...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно. Казалось, что все впереди...»*

Это была ее первая запись спустя пять лет. К ней вскоре добавилось описание Лешего: *«У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено».*

Дальше она нарисовала весьма ехидные словесные портреты своих недавних поклонников, их жен, их дочерей на выданье и их самовлюбленных отпрысков – всю эту бизнес-шушеру, которая воспринимала саму себя с необычайной, патологической серьезностью.

Некоторое время спустя ей пришло в голову, что надо научиться работать на компьютере: в наше время уже не пишут от руки да на бумаге, в наше время идеи хранят на *электронных носителях*! Она тут же записалась на какие-то курсы для «чайников» и так увлеклась, что накупила еще кучу книг и читала их с неменьшим интересом, чем детективы, тут же выполняя у экрана все инструкции, открывая и закрывая окошки, переставляя куски текста, стирая их и восстанавливая... Через каких-то пару недель она настолько овладела компьютерной премудростью, что могла бы уже сама вести курсы для «чайников».

Компьютер, хорошее кино, ее литературные экзерсисы – все это было настоящим, неподдельным, сущностным. И ей казалось, что больше она никогда не вернется в круг этих людей, насколько богатый, настолько и убогий...

И все же она в своем отшельничестве потихоньку заскучала. И решила вернуться в свет. Пусть и убогий, но другого у нее просто не имелось. В конце концов, она еще страниц пять украсит своими саркастическими заметками!

Решить-то она решила... Однако вышел полный облом.

«Света» больше не существовало, по крайней мере для нее. Телефон, столь шумный, столь ее раздражавший совсем недавно, замолк. Умер. Скончался. Сдох.

Увлеченная своим временным отшельничеством, она неправильно истолковала его молчание. Она думала, что все любезно считались с ее желанием побыть в одиночестве.

Куда там! Она попыталась позвонить своим недавним поклонникам, но натолкнулась на прохладную реакцию и ссылки на занятость...

Наконец до Вики дошло, что ее просто-напросто вычеркнули из записных книжек! Мужской к себе интерес она сама перекрыла, как кран; в деловом же плане она не представляла для Мишиной тусовки никакого интереса... Она ведь теперь НИКТО! Мужнина жена, и та бывшая!..

Открытие ее никак не порадовало. Она даже поплакала дня три. А еще через неделю горьких и напряженных размышлений она пришла к решению. И оно сформировалось под боевые ноты «Интернационала»: кто был никем, тот станет всем!!!

А именно: Вика решила стать бизнес-дамой.

Глава 3

Вика совершенно не представляла, что оставил ей муж. Какие-то акции, какие-то паи, ценные бумаги, недвижимость... Все это было китайской грамотой. Кроме того, Миша перевел на нее свою долю – пятьдесят один процент – в небольшой частной фирме. Вика посетила ее незадолго до его отъезда – муж представил новую владелицу, но чем там занимаются, она так и не поняла: тогда ей было без разницы, тогда она сгорала внутри атомного облака...

Кажется, это охранный фирма какая-то. Хотя никаких таких накачанных хлопцев она там не видела. Или охранники не должны быть накачанными? Или там вообще не охранники?

Она вдруг вспомнила, что муж оставил ей визитную карточку фирмы со словами: «Если будут трудности, звони туда. Леонид Ильич тебе поможет».

Хм, «Леонид Ильич»! Главное, легко запоминается... Она визитку поискала и нашла: фирма называлась... Нет, ну надо же, она называлась «Виктория»! И ниже мелким шрифтом: «Охрана вашего бизнеса».

Точно, там секьюрити работают! Телохранители и фирмохранители!

Впрочем, какая ей разница? Главное, что это *фирма*, а фирмы занимаются бизнесом, а бизнес приносит доходы. И, с учетом ее пая, она имеет право сунуть нос и выяснить, насколько хорошо поставлено там дело и насколько надежны ее доходы! А то и поруководить...

Ей примечталась картинка: вот она в кабинете, и секретарша приносит ей бумаги на подпись... Подпись у Вики красивая, затейливая, хоть будет, кому показать!

...Никогда в жизни Вика не работала. Вышла за Мишу еще студенткой, а он уже тогда крепенько встал на ноги – ведь он куда старше! Вика была убеждена, что вышла за него по любви, и быстрота, с которой она перестрадала свой развод, ее неприятно удивляла.

Впрочем, они прожили вместе пятнадцать лет, а с тех пор любовь превратилась в привычку. Так всегда бывает, верно?

И вообще, что такое любовь?..

Копаться в себе не хотелось. В конце концов, он ее бросил, а не она его! Променил ее, молодую-красивую, на какую-то американку своего возраста, с которой ему приспичило отдыхать от трудов и от нее, от Вики!

Ну и пусть. Она в конечном итоге ничуть и не жалеет. И вообще, Миша прав: еще лет через десять он станет пожилым мужчиной, а она еще будет вполне свежей красавицей... Возможно, она бы тогда и сама от него ушла... Наверное, он это предвидел и решил расстаться с женой, чтобы оберечь себя от потрясений будущего!

Ну, конечно! Он прикинул все наперед и решил, что с ровесницей ему будет куда спокойнее. Она уж его точно не бросит. Будет кому стакан воды подать в старости. Он правильно рассудил, Миша!

И теперь, когда Вика сама себе хозяйка, ей хочется чем-то заняться. Чем-то дельным. Она, между прочим, в институте торговли училась. Плохо училась, если честно, – трудно давалась ей наука коммерции, которую она от души ненавидела. Но время нынче такое, что надо в коммерции разбираться, а не в балете, вот она и пошла...

На самом деле все это неважно. Важно то, что у нее пятьдесят один процент. Она точно не знала, к чему прилагается этот процент: к деньгам? К акциям? Да какая разница! Значение имеет лишь то, что ее «кус» больше. У двух других пайщиков сорок девять процентов на двоих – значит, она главнее! Захочет вникать в дела фирмы – никто не посмеет ей перечить!

А хоть бы от скуки, она отчитываться никому не должна!

...И все же она робела. Сказались пятнадцать лет тепличной жизни, за которые ей не пришлось решать ни одной проблемы. Пятнадцать лет, в течение которых она существовала (без всякого самолюбия, вполне органично) как приложение к своему супругу. Оказываемое ей внимание Вика никогда не анализировала, и никогда не приходило ей в голову, что она лишь аксессуар при Мише...

А сейчас ей предстоит общаться с мужчинами, которые в бизнесе собаку съели. И которые, вне сомнения, посоветуют ей вернуться домой и вышивать крестиком.

Или у страха глаза велики? Или она зря боится?

– Не зря, Викуся... – произнесла ее подруга Ната, усвоив постановку вопроса. – Мужики все сволочи. Они с тобой разговаривают так, как будто ты им принесла справку из психдиспансера о том, что у тебя дисфункция головного мозга.

– Неужто все?!

– Исключения составляют столь ничтожно малое количество, что его можно не учитывать.

– Так что же делать?

– Бросить эту затею, – сурово ответила Ната.

– Я помру со скуки!

– Не помрешь. Поезжай в Европу. Или на курорты какие, я тебе хороший тур подберу. Лето на носу, сейчас только по магазинам бегать да купальники выбирать. А ты дурью маешься: бизнес тебе занудился!

– Ната, мне тридцать пять. Если я еще с пяток лет по магазинам прошляюсь да на пляжах проваляюсь, то у меня точно случится дисфункция мозга!

– Решай на пляжах «Судоку», очень тренирует интеллект.

– Слушай... – В голове Вики вдруг блеснула догадка. – Ты просто... Ты считаешь, что я не смогу, да? Что я изнеженная дурочка... всю жизнь под крылышком мужа... Да?

Ната была самой настоящей бизнес-дамой: лет десять тому назад она вместе с компаньоном создала туристическое агентство, которое расцветало из года в год под ее умелым руководством. Учительница математики, она страшно гордилась тем, что добилась всего сама, исключительно благодаря своему уму и организаторскому таланту. Ясно, что на Вику она смотрела снисходительно (или презрительно?), считая подругу недалекой, хоть и очаровательной иждивенкой...

Ната в ответ тонко улыбнулась:

– За дурочку, положим, я тебя не держу, но в бизнесе нужно иметь *знания и характер*. А у тебя, не обижайся, нет ни того, ни другого.

– Понятно.

Вика встала, давая понять, что дружеская беседа окончилась, и, холодно попрощавшись с подругой, ушла от нее злая-презлая.

«Характера у меня нет, ишь ты! – думала она, руля по Москве в сторону дома, на Сокол. – А у тебя он был, когда ты училкой в школе сидела да на директора мне жаловалась? И кто тебе посоветовал все бросить к чертям собачьим? Кто заставил тебя поверить, что с твоим умом и предприимчивостью ты вполне сумеешь заняться бизнесом? Да к тому же в тот удачный момент, когда рынок был еще относительно пуст? Разве тогда у тебя были *знания*? Нет, Ната, ты их эмпирическим путем наработала, то есть тыкалась мордой то в одну проблему, то в другую!

И как легко ты забыла, что все твои трудности мы обсасывали вместе, а я для тебя еще и Мишу расспрашивала!.. А кто Мишу уговорил дать тебе в долг стартовую сумму? Ты ее вернула, Ната, ты порядочный человек, я в этом никогда не сомневалась, но моего недоверчивого супруга было нелегко уломать, и гарантом твоей честности была я... Эх, подружка, а ты меня за дебилку держишь!

...Так всегда бывает: чуть чего человек достигнет, все заслуги приписывает себе, забыв напрочь своих благодетелей, – с горечью думала Вика, немного остыв. – Ну да ладно, Ната, не страшно. Мне твоя благодарность на фиг не нужна. И помощь тоже. Я найду сама, как подступиться к проблеме, найду, увидишь!»

Глава 4

Въезжая в свой квартал, Вика привычно проехала мимо мусорных баков, где тусовались бомжи. Они возлежали на травке и казались совершенно довольными жизнью.

Собственно, почему «казались»? Они и в самом деле чувствовали себя комфортно, полностью приспособившись к ситуации, которая со стороны кажется верхом отчаяния. Но они нашли способ не только выживать, но и радоваться! А их этому, между прочим, никто в школе не учил!

Вот так и она, Вика, станет постепенно вникать в незнакомый ей мир деловых отношений и цифр, постепенно все постигнет и однажды начнет чувствовать себя в нем комфортно. Справилась же она с компьютером!

...Видимо, она слишком долго смотрела на них, чем привлекла к себе внимание. Леший окликнул ее:

– Тебя угостить, мамзель? – Он продемонстрировал надломленный батон белого хлеба.

Вика хотела было отвернуться и дать газу, но ей вдруг стало неловко: раз бомж, так что ж теперь, и поговорить нельзя по-человечески? Тем более что вроде как знакомый: ведь он подносил ее сумки... Она улыбнулась Лешему, крикнула в окошко «приятного аппетита!» и помахала рукой.

Еще через две минуты она въехала в охраняемые ворота новой многоэтажной башни а-ля Сталин, где находилась их супружеская квартира, бывшая теперь в ее единоличном распоряжении.

Разговор с подругой осел в ней тяжелым грузом, и ей захотелось принять ванну, смыть с себя неприятный осадок. Занятию этому Вика предалась немедленно и увлеченно, в надежде, что ее мысли примут некий конструктивный оборот.

Но ванна имеет свойство расслаблять, и, выпроставшись час спустя из душистой пены, ничего умного она не придумала и решила, что утро вечера мудренее. У нее есть пятьдесят один процент в бизнесе, и куда ее фирма не денется до завтра.

...Назавтра мысли стали чуть яснее. По крайней мере настолько, что Вика сумела вычленив главную проблему: ею, по сути, являлось самое начало переговоров. В нем нужно задать правильный тон, а дальше все поедет как по маслу!

Но в этом «правильном тоне» и заключалась вся фишка... Он задается не голосом, а манерой держаться, внешностью и еще чем-то неуловимым, но очень важным! А Вика была фатально несолидной. Несерьезной. Легкомысленной. Если уж Ната с ней разговаривает, как с недоумком, то чего ждать от мужчин?!

Вика представила, как явится теперь одна-одинешенька к Брежневу с требованием ввести ее в курс дела... Для пущей верности художественного образа, открывшегося ее внутреннему взору, она прибегла к мнению зеркала. Но оно с суровой неподкупностью отразило лишь маленькую фигурку, светлые кудряшки да не обремененный заботами ясный взгляд серых глаз.

«Не пройдет», – с тоской подумала она.

Она сменила на всякий случай еще три разных костюма перед строгим жюри в лице зеркала. Подобрала легкомысленные волосенки в пучок. Придала глазам серьезно-глубокомысленное выражение и даже нацепила очки...

Бесполезно. Не стоит даже и мечтать. Идти туда одной ей категорически противопоказано.

Позвонить Мише? Он в Америке, да, но вдруг прилетит в Москву? Мало ли, дела какие... Он бы ее снова в фирму сопровождал, распорядился бы, чтоб к супруге, хоть и бывшей, отнеслись уважительно...

Ее вдруг резануло слово «бывшей». Приходить как «бывшая» ей не хотелось!!!

А что, если как *новая*? В смысле, с новым мужем?

Идея была всем хороша – ну просто отличная идея! Загвоздка имелаась только в *новом* муже. Его у Вики не завелось и, что характерно, заводить не хотелось. Вспомнив череду своих увлечений за последние месяцы, Вика отчетливо поняла, что достойного кандидата в мужа среди них даже не намечалось.

Нанять телохранителя, решила тогда она. Явиться в сопровождении плечистого бугая, чтоб у всех зубы свело только от вида его мышц!

Да, но что такое телохранитель? Центнер накачанного мяса, не более... И потом, где она его нанимать будет? В своей собственной фирме, что ли?!

Вот был бы у нее брат... Но брата не было, и не стоило тратить мысли понапрасну.

Вот был бы у нее любовник... Собственно, а почему бы не завести нового? Поумнее и посolidнее?

Но... Заводить целого любовника ради одного-двух первых походов в свою же фирму? Помилуйте, овчинка выделки не стоит! Дорогостоящая слишком выделка...

А если попросить, просто попросить кого-нибудь: выручи, прикинься моим женихом? Или братом, на худой конец?..

Да, но кого? Друзей среди мужчин у нее не имелось, а кого-то из друзей Миши... Или бывших ее поклонников... Так это боком выйдет. Дорого выйдет! Потребуют что-нибудь взамен. Хорошо бы деньги – Вика бы согласилась! С деньгами всегда просто. Есть услуга, есть у нее цена, есть и деньги. Но в кругу якобы «друзей» деньги предлагать неприлично. Хотя это чистой воды лицемерие: с деньгами на самом деле счет простой и ясный, зато вот с «дружескими» услугами счет тебе выставят ого-го!

Надо самой. Надо набраться уверенности, очаровательной наглости, самодовольной самодостаточности... Надо, Вика!

Так она сказала самой себе и готова была встретить завтрашний день во всеоружии.

Но завтрашний день беспощадно выявил ее трусость. Не защищенная мужем, в отсутствие опыта, Вика никак не находила ту опору, ту точку отсчета, в которой она могла бы взять верный, уверенный тон. В этом мире правят мачо, и она не была готова им достойно противостоять. Ей нужен тыл, ей нужен мужчина!!! Пусть за спиной, пусть только тенью – но чтобы он чувствовался!

Однако такого мужчины у нее катастрофически не имелось.

Глава 5

Поначалу это была смутная мысль. Не мысль даже, а так, ощущение. В те дни, когда ей пришлось ездить на метро, она, от нечего делать, заглянула в газету, которую читал ее сосед. Там была статья о том, что бомжей нередко нанимают для подставных директоров фиктивных фирм.

Вроде бы ничего, пустяк, не имеющий отношения к ее проблемам. Тем не менее мысль о том, что бомжа можно нанять для подставного лица, ей запала.

Проезжая снова мимо помойки, она еще раз всмотрелась в того бомжа, которого окрестила Лешим. Она пыталась представить, как бы выглядело его лицо, заросшее бородой до глаз, если б его побрить...

Конечно, в подсмотренной статье говорилось лишь о том, что бомж дает свои паспортные данные и расписывается на документах, но вовсе не ходит на встречи и переговоры. Так что Викина идея была совершенно пустой.

И все же в ней имелся один крепкий соблазн: бомж *за деньги* сделает любую услугу, да и много не попросит. И, главное, ничего сверх денег, никаких опасных «дружеских» счетов!

Оставалось только понять, годится ли он для такой услуги.

Вика проехала раз пять мимо мусорки. И каждый раз Леший провожал ее «лагуночку» непонятной улыбкой, вроде бы приветливой, хоть и, кажется, немного насмешливой.

Наконец она решилась.

– Эй! – поманила она его, приспустив стекло. – Леший!

Он удивился. Конечно, он же не знал, что Вика его так окрестила. Но все ж сообразил. Приблизился к машине. Наверное, решил, что снова надобно что-то поднести. Вика высунулась в окно:

– Слышь... У меня к тебе дело.

Леший кивнул и пошел в знакомом уже направлении: к ее подъезду. Вика опередила его на машине и теперь смотрела через заднее стекло на приближающуюся фигуру. А что, он довольно внушительный! Если его действительно помыть, побрить и одеть нормально, то... Не такая уж и бредовая идея!

Он подошел и встал по привычке позади машины, у багажника, думая, что Вика сейчас выйдет и его откроет. Но она бросила ему коротко: «Пошли!» – и указала на подъезд.

В квартире, однако, на нее напала робость. Идея снова показалась полным абсурдом, и она молчала, не зная, что сказать.

– Ты че хотела-то, мамзель? – проявил нетерпение Леший.

С трудом подбирая слова, Вика пустилась объяснять. Объясняла она невразумительно, и Леший не выдержал:

– Мамзель, я человек простой... Мне бы попонятней. Че те сделать нужно?

– Мне нужен мужчина... Который мог бы сойти за... Ну, к примеру, за моего брата...

– А у тебя шо, брата нет?

– Нет. Но мне нужно сделать вид, что я не одна. Не одинокая женщина. Что за мной кто-то есть.

– На тя чо, наехали?

– Да нет же!

Леший умолк – исчерпал запас своих гипотез и предоставил ей объясниться. Но на нее нашел полный ступор. Тут такие нюансы женской души, что самой-то толком непонятно, а еще бомжу доходчиво рассказать! Вика уже отчаянно жалела, что затеяла эту авантюру. Нет, только

ее уязвленным после разговора с Натой самолюбием можно объяснить подобную идиотскую затею!!!

Бомж стоял перед ней в прихожей, изучая черными глазами ее страдальческое лицо.

– Ладна, мамзель, если дашь помыться и накормишь... Так я те сойду за кого хошь!

Вика молчала. Ей стало ужасно стыдно. Она позвала и обнадежила нищего... Теперь он рассчитывает, что дадут хоть поесть по-человечески... И прогнать неловко, и продолжать ни к чему...

Прогнать... А вдруг он не прогонится? Эти бедные-несчастные – они страшно наглые... Обворует ее, прекраснодушную кретинку, а потом смеется!.. Подруга права: Вика безмозглая дура! И нечего на Нату обижаться, так оно и есть!

Бомж проявил некоторое беспокойство, выразившееся в переминании с ноги на ногу.

– Ты эта... мамзель, ты не бойся. Я не понял, че ты хошь, но я эта... В общем, ты мне дай помыться и пожрать... Мож, я тогда и смогу тебе... А если не смогу, тогда эта... как скажешь «уходи» – так я и уйду... Не бойсь.

Вика не знала, можно ли доверять его словам. Леший понял ее молчание по-своему.

– Ну, я тогда... Коли ты передумала, так я, эта... Ну, пойду, типа...

Вика довольно давно выработала одно правило в жизни: когда не знаешь, что сказать, – говори правду.

– Я еще не передумала. Но честно скажу: сомневаюсь. Идея мне казалась хорошей, а теперь кажется глупой...

– Так ты посомневайся, скока те надо, а я пойду... Позовешь, если зандоблюсь.

– Давай так, Леший, – решила Вика, – ты помойся и поешь. А я пока подумаю.

– Ну, смотри, мамзель. Ты тут хозяйка – как скажешь, так и будет.

– Я уже сказала. Проходи в комнату.

– Нет уж, давай сразу мыться пойду. Я грязный, а у тебя тут чистенько так... Только попачкаю тебе все. В душ. Тока полотенце дай.

...Лешему были выданы полотенце, расческа и халат, оставшийся от мужа. Одежку бомжа она брезгливо спустила в мусоропровод, подумав, что лучше потратиться на новую, чем стирать в своей машине эту гадость.

Пока он мылся, она приготовила ужин. Пожарила мясо, сварила лапшу, нарезала овощи. Он мылся час, не меньше. Наверное, соскучился по воде...

Ее по-прежнему томило некомфортное чувство совершенной глупости. Она гнала его от себя, но разум твердил о том, что она поступила опрометчиво, пригласив в свою квартиру бомжа. Человека, по определению, без всяких принципов.

Леший все еще наслаждался ванной, а Вика, уже закончив стряпню, присела на табурет и задумалась. «Что ты знаешь о бомжах, – строго спросила она себя, – чтобы считать, что это люди без всякой совести? Какой снобизм, Вика! – гневно осудила она себя. – А вдруг это просто человек с несчастной судьбой? Порядочный, приличный, но бедный?!»

Она рассмеялась своим мыслям. Идиотка. Тепличное растение, не знающее жизни. Которое судит о ней по глупым сериалам и книжкам. Бомж – порядочный и приличный? Разве приличный человек может оказаться на помойке?

«...Все дело в том, Вика, – строго сказала она себе, – что ты совершенно отвыкла принимать решения самостоятельно. За тебя их пятнадцать лет принимал Миша. Он знал все, а ты ничего. И такое положение дел тебя устраивало. А теперь ты мечешься, и мысли твои скачут в совершенно противоположных направлениях. Но хочешь – не хочешь, а нынче тебе принимать решения самой. И, по сути, ты его уже приняла: вон оно, твое решение, фыркает в ванной! Так что, девушка, хватит переливать из пустого в порожнее! Дело теперь за малым: озвучить свою идею, хорошая она или плохая! Будущее покажет...»

Меж тем Леший выбрался из ванной. Его густая шевелюра и борода сверкали антрацитом от чистоты. Лицо было красным. Мужлан в дорогом темно-зеленом Мишином халате, поблекшем на фоне этих буйных красок. Отчего-то ей вспомнился Распутин – не к ночи будь помянут...

Леший встал на пороге кухни. Босой – Вика забыла о тапочках. Она спохватилась:

– Погоди!

– Да и так хорошо, – возразил Леший.

Однако она притащила шлепанцы и заставила его обуться. В квартире не холодно, но все же не дело ходить босиком! Не на пляже, чай...

Его глаза зажглись голодным блеском, когда он увидел накрытый стол. Вике снова стало его жалко. Она испытывала то сложное, одновременно сострадательное и брезгливое чувство, с которым кормят бездомных животных.

– Садись, – коротко сказала она.

... Леший ел руками. А чего она ожидала, интересно? Что он примется изысканно орудовать ножом с вилок? Да еще и смену приборов и тарелок запросит?

Кроме того, он чавкал и шумно хрустел хрящами. Ха-ха-ха, идиотка ты, Вика...

Она вообще-то собиралась поесть вместе с ним, но, увидев этот смачный, первобытный процесс поглощения пищи, раздумала. Ей было неприятно.

Она достала из холодильника пару йогуртов и съела их стоя, наскоро, чтобы утолить чувство голода.

– А ты что ж не кушаешь, мамзель?

– Я на диете, – соврала Вика.

Наконец процесс поглощения пищи был закончен. Бомж вытер пальцы о халат.

– Салфетка, – сказала Вика, – возле тарелки.

– Вот эта? – Леший развернул большую нарядную бумажную салфетку.

– Да.

Он поднес ее к лицу и шумно высморкался. Вика пришла в отчаяние.

– Салфетка, – с трудом сдерживая отвращение, отчеканила она, – служит для того, чтобы вытирать рот и руки *во время* еды. А *после* еды их моют. Если же тебе надо высморкаться, то для этого существуют носовые платки. В частности, бумажные. Вот коробка.

Она ткнула ему под нос картонную коробку с благоухающими, нежнейшими бумажными платками.

Леший посмотрел на нее смущенно.

– Так, эта... А какая разница?

Вика промолчала. В самом деле, какая разница? То бумага и это бумага. Во всех случаях отправляется в мусорное ведро после употребления. И зачем она пристала к человеку?

– Леший, ты сладкое любишь?

– А у тебя есть? – заинтересовался он.

– Печенье? Мороженое? Конфеты?

– А варенье?

Вика достала из шкафчика две банки – клубничное и смородиновое – и подала розетку. Обе были начаты, и Леший без смущения отвинтил обе крышки. Вывалил себе в розетку из двух банок столько, что варенье чуть не потекло на стол, и принялся смаковать эту смесь с блаженным видом.

– Чай?

– Хорошо бы... – мечтательно произнес Леший.

Что ему это напоминает? Детство? Не всегда же он был бомжом... Когда-то жил с мамой и папой... Или в неполной семье? Но любовь к варенью, Вика была уверена, – это из детства.

Она налила чай в две чашки, решила все-таки присоединиться к Лешему под финал. Села напротив, но чувствовала себя неуютно. Словно она была в гостях, а не он.

– Ну, решила че-нить, мамзель?

Она медлила, и он вдруг спросил:

– Как ты величать-то?

Ужасно смешно. Старинно-литературное «величать» рядом с просторечным «тя».

– Вика.

– Это что же, Виктория будет?

– Виктория.

– Красиво. «Победа».

Надо же! Какие познания! Она уже хотела было съехидничать, как он вдруг спросил:

– И много ты напобеждала, Виктория?

Она растерялась. Не хватало только пуститься в обсуждение ее личной жизни с бомжом! Она уже приготовилась ответить холодно и сухо, но снова не успела. Леший, склонив голову набок, ответил за нее:

– Не слишком, надо думать... Раз к помощи бомжа решила обратиться. Ну, говори, че стряслось-то у тебя?

Вика вдруг, уловив теплую и какую-то очень душевную интонацию, растрогалась. Простые люди – вот такие уж простые, что дальше некуда, – они лучше чувствуют жизнь, наверное... В них нет фальши! Они говорят то, что думают, а к трудностям им не привыкать. И они знают, что такое взаимоподдержка!

Не более чем через секунду Вика мысленно расхохоталась. Какие пафосные мысли! Ну придет же такое в голову!

– Я так понимаю, – снова заговорил Леший, не дождавшись ответа. – Раз ты меня *зазвала*, значит, есть у тебя затруднение. Раз ты *зазвала меня*, значит, не нашла другого человека, чтоб его разрешить. Теперь вопрос такой: могу ли твою проблему решить я? А на него ответить можно будет только тогда, Виктория, когда ты мне проблему скажешь... Так говори уже. А то, выходит, я даром твой ужин ел.

Вика еще раз посмотрела в угольные глаза. Леший был прав. Раз уж он тут, надо довести это дело до логического конца. И, вобрав побольше воздуха в легкие, она заговорила.

...Он слушал, склонив кудлатую голову набок, и был тем похож на большую собаку – бездомную собаку, которую она подобрала на улице и приютила у себя.

– Я так понимаю, Виктория, – произнес Леший по окончании ее сумбурного повествования, – тебе надо пойти в контору, где у тебя большая доля. А ты стесняишься, думаешь, что мужики тебя сразу забацают. Верно?

Верно, дальше некуда! Бомж с сермяжной простотой сформулировал суть.

– И хочешь при себе мужчину завести, для солидности. Это ты правильно рассудила, Виктория: бабам лучше при мужике быть. У нас вот, смотри, пока тишь да гладь – так все бабы сами генеральши, и не сунься! А как галдеж пойдет – так за мужиков прячутся. Природа у вас такая, у баб, че делать... Так по дружбе, значица, ты никакого не нашла. И решила, что лучше за деньги нанять, чем просить. А нанять подумываешь меня. Хочешь поправить че-нить?

– Нет. Ты все правильно сказал, Леший...

– И сколько ты мне заплатишь?

– А сможешь ли ты сделать это?

– А какая тут сложность?

– Вот какая: надо, чтобы тебя не за бомжа приняли. А за приличного человека. Вроде как в театре – роль сыграть надо. И я вот сомневаюсь: сумеешь ли ты?

– Понял твою заботу. Еще какие есть?

– Еще?

Вика удивилась. Других забот у нее вроде бы не было.

– Ну, как же, – усмехнулся он, – есть! Сойду я, скажем, за «приличного человека». Но за кого должен сойти «приличный человек»? – И, поймав недоумение в лице Вики, пояснил: – За соседа твоего? Мужа? Брата? Друга детства? Любовника?

– Я еще не решила... – Вика отчего-то покраснела.

– Ну, тогда слушай сюда, Виктория. Я те ничё не обещаю, поняла? Но соглашаюсь попробовать. Не всегда же я бомжом был...

– А кем ты раньше был, Леший? – вдруг спросила Вика.

– Это тебе побоку. Кем был – так уже сплыл.

– Извини...

– Чего «извини»? Хотела – и спросила. А я, как хотел, так и ответил. Ущерб никому. А будешь так извинялками разбрасываться, точно мужики тебя забачают!

– Ну да... – Она снова покраснела.

– Так, если дело пойдет, сколько заплатишь мне? – Леший только насмешливо мазнул взглядом по ее разрозовевшимся щекам.

– А сколько ты хочешь?

– Нет уж, сама называй гонорарий.

– Тысяча... Тысяча долларов.

– Годится. Только рублями. Мне с твоими гусеницами делать нечего.

– «Гусеницами»???

– Ну, их как называют? «Капустой» называют и еще «зелеными». Вот так на ум и гусеница капустная приходит...

– Э-э-э... Понятно. И как ты пробовать будешь?

– Как-как! Денег у меня нет, так что тебе тратиться придется. Костюм мне купи подходящий, ботинки там. И своди куда-нить... В ресторан или еще куда – на люди. И будешь смотреть. Вот и вся недолга.

– Годится, Леший... А как тебя звать-то на самом деле?

– Григорием. Ну, так бывай. Когда приходит велишь?

– А... А куда ты собрался?

– Гы-ы. Смешная ты, мамзель Виктория. На помойку, куда ж еще!

– Григорий... Я...

Вика залилась краской, на этот раз отчаянно, до слез.

– Я...

– Ну, ты выродишь или как?

– Я одежду твою в мусоропровод спустила...

Леший крикнул и запустил пятерню в шевелюру. Оглядел себя в халате и тапочках и снова крикнул.

– Я сейчас в магазин поеду... Куплю тебе костюм... – лепетала Вика.

– И я что же, в костюме на помойку пойду, мамзель?

– Я джинсы тебе куплю... И рубашку... Скажи, какую...

– И куда ж ты это поедешь? Десятый час, одежные магазины позакрывались... Беда с тобой, Виктория... От мужа ничего дома не осталось?

– Халат вот только... Который на тебе...

– М-дя...

Леший надолго замолчал. Вика тоже.

– Тогда завтра уже... – мучительно выговорила она наконец.

– Уж не сегодня, ясное дело... – откликнулся он.

– Может, тогда... – начала она.

– Может, тогда... – заговорил он.

– Ты только... – промямлила она.

– Ты только, эта... – застеснялся он.

– В общем...

– В общем, ты не волнуйся, Виктория... Я тебя не ограблю. И эта... В общем, я не поку-
суюсь...

– Короче, ты можешь спать в этой комнате, – отважилась Вика.

– Ага... Я за порог ни ногой.

– А честно?

– Глупость спрашиваешь. Если я врун, так и сейчас совру.

– И то верно... – вздохнула Вика. – Я глупости делаю и глупости спрашиваю...

– От то-то и беда твоя, мамзель... – философски заметил Леший.

Глава 6

Ночь прошла благополучно. Вика, как ни странно, заснула легко и быстро, а утром обнаружила Лешего на кухне: он уминал варенье с хлебом. Ночью он ее не ограбил и на ее девическую честь не покушался. Это утешало. И располагало к дальнейшему сотрудничеству.

Позавтракав, она съездила в магазин и купила Григорию самые дешевые (по его настоянию) джинсы, простую рубашку с коротким рукавом, носки и туфли. Стесняясь, прикупила ему и белье. Он, однако, не выразил ни малейшего смущения, принимая ее подарки. Труссы потянул в резинке, джинсы приложил к себе, деловито примерил да притопнул новой обувью и сказал, что сойдет. После чего выразил готовность ехать за приличным костюмом, чтобы приступить к эксперименту немедленно.

– Сначала в парикмахерскую. Куда ты с такой бородой?!

Леший озадачился. Похоже, что мысль о том, что с его великолепной бородищей придется расстаться, его совсем не радовала.

– Григорий, – настаивала Вика, – с такой бородой никак! Ее надо сбрить! Кроме того, надо постричься, у тебя же волосы до плеч, никак не сойдешь за солидного человека!

Леший заметно расстроился. Он был готов сменить костюм, и весьма легко, но расстаться со своим первобытным волосатым покровом ему явно не хотелось.

Немного погоревав, он все же сдался. Видимо, тысяча долларов стоила таких жертв в его глазах. И Вика, торжествуя, повезла его в парикмахерскую.

Она объяснила мастеру, что именно требуется, а потом ждала его в машине, которую удалось припарковать почти рядом со входом в парикмахерскую. Когда Леший вышел...

Нет, не Леший! Он больше не был лешим... Вышел мужчина весьма приятной наружности с неожиданно растерянными глазами... Как будто вместе с бородой и неандертальской шевелюрой он растерял все ориентиры.

Вика усмехнулась. Ей это было понятно. Она тоже растеряла все ориентиры с уходом Миши. Ничего, от этого не умирают!

– Григорий, – сказала она, – ты больше не Леший!

– Сам вижу, – буркнул он, садясь.

Он взбунтовался в третьем бутике, примерив в общей сложности с десятков костюмов.

– Тогда это будет стоит две тысячи «гусениц!» Я такие иззвивательства над собой не потерплю!!!

– Ладно, – холодно сказала Вика. – Не хочешь, как хочешь. Сейчас отвезу тебя на помойку. В родные пенаты, так сказать.

Он не спросил, что такое «пенаты», а она спросила себя: почему? Постеснялся? Догадался о смысле слова по контексту?

– Мамзель Виктория, ну не могу я, елки-палки...

Он явно начал сдаваться. Но Вика и бровью не повела. У нее своя игра.

– Так что, на помойку?

– Ну, ты прям... Ну, чисто мучительница!

– Григорий, не морочь мне голову. Либо мы выбираем костюм, который понравится МНЕ, либо ты отказываешься, и тогда я везу тебя на помойку.

Он молчал, гордо отвернувшись к окну. При этом косил глазом на нее. Вике стало смешно. Ну, точно большая собака. У нее была когда-то такая, когда она еще жила с родителями. Она так же отворачивала свою кудлатую башку, когда ее ругали, и так же косила глазом в сторону. Умора.

Молчание принимается за согласие, верно? Вика завела машину и поехала в четвертый бутик. Григорий беспрекословно, хоть немо изображал святомученика, примерил очередной костюм. На этот раз Вика сжалилась: «Идет!»

Но это был еще не финал: требовалось купить туфли. И снова завертелась чехарда бутиков и препианий с Лешим. Тьфу, с Григорием.

К концу дня она была вознаграждена за все свои мучения: выйдя из последнего бутика, в ее машину уселся очень приличный и весьма интересный мужчина. Ни одна душа не догадалась бы, что это взятый напрокат с помойки бомж!

Оставалось потренировать его в стилистике речи. К чему Вика приступила немедленно дома, то и дело вспоминая Бернарда Шоу.

– «Мамзель» – это слово надо забыть!

– А как ты называть?

– Да Викой же! Неужто не ясно???

– А по отчеству как?

– Леший, ну какое отчество? Ты же должен сойти за *своего* человека!

– Ить, не подумал... А ты меня что ж, Лешим будешь звать?

– Да нет же! Я тебя Григорием... Нет, Гришей. А ты меня – Викой.

– Ага. Понял. Я тя Викой.

– Не «тя»! «ТЕБЯ». Понял?

– Тебя. Конечно. Я знаю, на самом-то деле. Тока забыл.

– Не «тока»! «ТОЛЬКО»!

– Ну да... Я просто, эта... Вспомнить надоть...

– Не «эта»! И не «надоть»! А вот как: «Мне просто надо вспомнить». Повторяй за мной!..

Кроме того, Вика учила его не чавкать, есть при помощи ножа и вилки, руки вытирать салфеткой, сморкаться в носовые платки. Потребовалось также немало усилий, чтобы отучить его стирать носки под краном с мылом (дорогим марочным мылом!) и сушить их на батарее. Для этого существует стиральная машина, объясняла Вика, и свое личное белье он может постирать самостоятельно. Вот кнопки, вот порошки, вот отдушка для белья – вперед!

И так в учениях прошло дней десять. Надо сказать, что Вика немало позабавилась за это время. Леший оказался нестрашным, покладистым и прилежным. В свободное от учений время он ел, спал, подолгу плескался в ванной и смотрел телевизор, явно наслаждаясь благами цивилизации. Кроме того, он с удовольствием пылесосил – Вике казалось, что его развлекает сам процесс: так мальчишки играют в машинки.

Еще он вызвался наладить подтекающий бачок в туалете и кран на кухне и, покопавшись в Мишиных «технических» ящиках, выполнил операцию по починке с блеском. Вика решила, что Леший в прошлом был сантехником, и даже отважилась задать наводящий вопрос, но он только сморщился в ответ: «Тебя это не касается, Виктория».

В один из этих дней, впрочем, случился инцидент. Вика вернулась откуда-то домой и застала Лешего за...

Точнее, Леший при ее появлении неловко попытался спрятать что-то за спину. Вика, сделав строгое лицо (подумала, что хлеб с вареньем ел, – а ему было категорически запрещено делать это на диване во избежание падения крошек и сладких липких капель на обшивку!), подошла и выудила из-за спины... ее дневник! Тот самый, где были разные фразы и описания, отрывки и наброски, поэтические и саркастические...

В принципе, преступление было невелико, но Вику охватила ярость. Этот дневник не предназначался для чужих глаз – раз! И выходило, что Леший рылся в ее секретере, – два! Что он там искал? Может, деньги? Может, хотел ее ограбить?!

Она принялась, едва сдерживаясь, объяснять Григорию азы этики. Он слушал ее, чуть склонив голову набок, и выражение его глаз трудно было разобрать... Но раскаяния в них точно не было.

Когда Вика дошла до фразы «Ты собирался меня обокрасть?!», он наконец отреагировал:

– Тьфу ты, вот дура-то. Если б надо было мне тебя ограбить, изнасиловать, убить – чего еще придумаешь? – то я бы уже сто раз это сделал и смылся! Бороду б обратно отрастил, и ищи-свищи меня по помойкам!

Вика обиделась на «дуру». Но что взять с бомжа?

– А зачем в секрете полез тогда?!

– Да не лез я никуда... Вот тут эта тетрадоочка валялась, – указал он рукой.

Ой, вспомнила Вика, а ведь точно, она не убрала вчера! Переносила свои записи в компьютер, и тетрадка на столе осталась! Ну и впрямь дура, стыдно теперь как, зря обидела человека...

– Извини, – пробормотала она, убирая заветный дневничок в секрете. – Там ничего интересного, литературные потуги, тебе ни к чему.

Леший не ответил и молчал до ужина. А за ужином вдруг сказал:

– А ты хорошо пишешь.

Вика хотела было съязвить: «А ты хорошо разбираешься, надо думать?» – но не стала обижать Лешего, уже и так несправедливо обиженного ею сегодня.

В общем и целом их общежитием Вика была вполне удовлетворена. Леший не выказывал к ней никакого мужского интереса, он ее не ограбил, и никакого убытку от его присутствия в доме не случилось – ну даже тарелки не разбил.

Возможно, он был просто честным человеком (ведь бывают же бомжи честные?), а возможно, никакая украденная ценность не стоила в его глазах того комфорта, который он временно обрел в доме у Вики. Как бы то ни было, его присутствие было ненавязчивым и даже приятным, и, как ни странно, Вика чувствовала себя более защищенной, словно в доме и впрямь поселился большой и добрый ротвейлер.

По окончании интенсивного курса обучения хорошим манерам и правильной речи Вика отважилась вывести Лешего в свет. Она проинструктировала его, как пользоваться кредитной карточкой, и велела расплатиться в конце ужина. Под ее неотступным критическим взглядом Григорий невозмутимо орудовал ножом и вилкой, правильно пользовался салфеткой. И даже с умным видом отпробовал вино, которое официант, по правилам французских ресторанов, плеснул сначала в его бокал. Покатав во рту глоток, Леший царственно кивнул официанту, который немедленно наполнил бокал дамы и долил в бокал Лешего.

Из него выйдет толк, окончательно решила Вика. Ей попался способный ученик.

Единственное опасение, которое ее мучило, рассосалось само собой: в этом элегантном мужчине ни соседи, ни бомжи у помойки не опознали Лешего. Все, кому было дело, наверняка сочли, что Виктория Ольшанская завела себе любовника. А уж откуда он взялся, никто спрашивать не посмел. Никого не касается!

Глава 7

И настал наконец день, когда она сочла, что пора. Пора приступить к осуществлению основной задачи, ради которой все и затевалось! Однако она до сих пор не знала: в каком качестве представить Григория? Какую «легенду» придумать?

Она решила с ним посоветоваться. В нем был природный здравый смысл, которого ей явно не хватало.

– Да никак, – пожал плечами Леший. – Скажешь: «Это со мной», и все.

– Но они подумают, что ты мой... – Вика смутилась. – Жених... Или любовник...

– А тебе что за печаль? Ты хотела прийти не одна? Вот и придешь не одна. А думы думать оставь им.

А верно ведь! Вика даже удивилась простоте решения. Отчего ее мысль так хлопочет, пытаясь предугадать чужое мнение? Оно ей нужно, это мнение? Оно ей интересно? Да несколько! Просто привычка какая-то дурная – забегать вперед....

Отринув последние сомнения, Вика позвонила в свою фирму.

Позвонила-то она директору, Леониду Ильичу, которого мысленно окрестила «Брежневым». А попала на его секретаршу. Вика ее помнила: девица была молодая, с мосластыми коленками и нагеленными волосами и очень нахальная.

– Я могу вас записать на прием не раньше следующего понедельника, – ответила она пренебрежительно.

– Вы не поняли, девушка. Я – Виктория Ольшанская, мне принадлежит...

– Все я поняла, – перебила ее девица. – Знаю, кто вы. Но Леонид Ильич очень занят. Так вас записывать на понедельник?

Вика подняла растерянный взгляд на Лешего, который стоял рядом, прислушиваясь к разговору. Он ей что-то шептал, но она никак не могла понять.

– Секунду, – бросила она в трубку.

Прижав ее к животу, чтобы секретарша не смогла услышать их разговор, она переспросила Лешего.

– Скажи ей, что ты посмотрела список своих дел, и понедельник тебе не подходит. И что свидание нужно на этой неделе.

Вика последовала советам Лешего, но девица была непреклонна.

– В таком случае с вами позже свяжется мой секретарь! – прошептал Леший.

– В таком случае с вами позже свяжется мой секретарь...

Леший нажал на кнопку отбоя.

– Зачем ты разъединил? Я не знаю, что она мне сказала в ответ!

– А тебе по фигу, что сказала, – усмехнулся он. – Теперь она будет ждать моего звонка, и все.

Похоже, что статус Григория, который так беспокоил Вику, нашелся сам собой: он стал «секретарем».

Леший выждал десять минут и перезвонил по тому же номеру. Вика прислонила ухо к трубке с обратной стороны: включать телефон на громкоговоритель она сочла рискованным, по гулкому качеству звука всегда можно догадаться.

Услышав ленивый голос девицы, он представился секретарем Виктории Ольшанской, затем ласково спросил, как девицу зовут.

Звали ее Любой. Леший вдруг резко сменил благодушный тон:

– Вот что, Люба, переключи-ка меня на директора!

Она попыталась что-то возразить, но Леший рявкнул:

– Твое мнение, Люба, меня не интересует! Связывай с директором, сказал!

Секретарша, однако, позиций не сдавала. Она ведь была секретаршей *Директора*, а он всего лишь секретарем какой-то там дамочки, которая отношения к их солидной фирме почти не имеет. По крайней мере, так дело представлялось Любе.

Посему, взяв важный тон, секретарша принялась было рассказывать, как занят Леонид Ильич.

Леший ее перебил:

– Завтра будешь уволена. Если не свяжешь немедленно.

Это заявление наконец произвело впечатление на Любу. Она сообщила, что готова соединить с директором.

Леший, отведя трубку, спросил Вику:

– Сама будешь говорить или мне предоставишь?

– Говори ты... – пролепетала вконец растерявшаяся Вика.

Леший был одновременно груб, что вполне соответствовало его «бомжовому» образу, по крайней мере, как он представлялся Вике. И в то же время очень уж ловко, она бы сказала, *опытно*, разговаривал он с секретаршей. Вика терялась в догадках и никак не могла взять в толк, что происходит и с кем она в лице Лешего имеет дело....

– Леонид Ильич? – доносилось до нее, как в тумане. – С вами говорит секретарь Виктории Викторовны Олышанской. Не думаю, что нужно уточнять, о ком речь... Она желает ознакомиться с документацией... Нет, на этой неделе. Прекрасно. Устроит. Всего доброго.

Леший положил трубку.

– Он ждет нас завтра, в полдень.

– Григорий, кто ты?!

– Бомж, ты прекрасно это знаешь.

– Бомжи так не разговаривают!

– Ты сама муштровала меня сколько! – возмутился Леший.

– За неделю можно научиться сморкаться в платок. Но разговаривать *так*?!

– Я способный, – сухо ответил Леший, пресекая дальнейшие расспросы.

Да и какое ей дело, собственно? У них договор, тысяча долларов. И он их отработывает. Остальное ее не касается!

Вика долго думала, как ей одеться. Желание погарцевать перед значительным скоплением джигитов все еще томило кровь, но уже не являлось приоритетом. Приоритетом был образ «бизнес-дамы», и посему она выбрала брючный костюм стального цвета, необыкновенно шедший к ее серым глазам, которые тут же наливались соответствующим костюму оттенком, вводя в заблуждение весь род человеческий, и в частности мужской. Во всяком случае, Вике хотелось в это верить.

Она почему-то совсем не так представляла себе «офис». Ей рисовалось что-то щеголеватое, европейски ложеное, ухоженное и престижное. А попала она в помещение, напоминавшее большую квартиру (да и бывшее ею когда-то), в которой имелись всего лишь четыре комнаты да небольшой холл посередине, где восседала та самая нелюбезная Люба, бесцветная высокая блондинка.

Впрочем, сегодня Люба расцвела счастливой улыбкой. Судя по интенсивности ее сияния, встреча с Викторией была хрустальной мечтой всего ее детства, отрочества и юности.

– Виктория Викторовна? Проходите, проходите, Леонид Ильич ждет вас!

Она скользнула вперед Вики и распахнула перед ней дверь ближайшей комнаты, а изнутри комнаты к ней рванул полный мужчина с круглыми плечами, протягивая обе руки, словно собирался обнять Вику.

– Рад вас видеть, очень рад! А я все жду, когда же вы изволите проявить к нам внимание? Когда навестите? Даже ребята мои спрашивают: а что же, мол, хозяйка, нас не жалует?

Вика, с трудом пряча изумление, обернулась на Лешего, но его лицо ничего не выражало. «А ведь он мне больше не нужен», – подумала она, и легкое сожаление царапнуло где-то внутри.

– Можете меня звать просто Леней, у нас тут все на «ты», дух равенства, так сказать, никакой иерархии!

Вика даже не успела сформулировать причину своего визита, как Брежнев потащил ее на «экскурсию».

– Здесь у нас комната для переговоров, – распахивал перед ней двери Брежнев. – Для встреч с клиентами или для наших собраний. Правда, случаются они у нас редко, у нас тут все сами с усами...

В комнате переговоров, за большим прямоугольным столом, пристроилось несколько мужчин, погруженных в бумаги, – каждый в свои.

– Когда встреч нет, то комнату занимают, конечно. Тесновато у нас, признаться. – Он улыбнулся. – Даже мой кабинет оккупируют, чуть я за порог...

Брежнев повел их дальше. Леший следовал на полшага позади Вики, как и положено хорошо вышколенному секретарю, невозмутимо разглядывая все и всех.

В двух других комнатах стояли компьютеры, а в них сосредоточенно смотрели люди, пощелкивая мышками. Они едва повернули головы на появление Вики, сопровождаемое глашатаем Брежневым: «А вот и хозяйка наша пожаловала!» Ясно, что его фразу о жгучей ностальгии «ребят» по хозяйке можно смело занести в разряд художественного преувеличения.

Вика, однако, не расстроилась. Люди работали. Она это уважала. Единственная среди них женщина, правда, все же окинула ее изучающим взглядом и одарила кривоватой улыбкой. Понятно: в мужском коллективе все внимание достается ей (или сколько тут женщин?), отчего Вика сразу же попадает в статус соперницы. Но к этому она уже давно привыкла, так что лишь мысленно усмехнулась.

Потом Любаша – сладкая, белая и длинная, как тянучка, – принесла им в кабинет кофе. Печенье к нему Брежнев вытащил из встроенного в большой шкаф бара и даже предложил коньяк. Вика от коньяка отказалась, Леший же отказался от всего и остался сидеть на стуле у окна. За все это время он не обронил ни слова. Хоть Брежнев и косил на него иногда любопытным глазом, но Леший, казалось, полностью отстранился от беседы.

В конце концов Вика покинула фирму в сопровождении Лешего, который нес стопку ксерокопий для ознакомления с делами.

Ошарашенная и восхищенная таким приемом, Вика в машине молчала. Подобного расклада она и в самых сладких грезах предположить не могла! В современном обществе произошли перемены в сознании? Успешность женщин в бизнесе совершила переворот?

«У страха глаза велики, а тут еще Ната настрашала – мачо сплошные кругом, мол... – думала Вика. – А вот ведь все обошлось совершенно замечательно... И Григорий даже не понадобился...»

По возвращении домой Вика, отчего-то смущаясь, резюмировала, что, по ее мнению, randevу прошло более чем успешно.

Леший не ответил, с интересом изучая вид из окна, заложив руки за спину и качаясь с носка на каблук своих новых щегольских штиблет.

Вика напряглась:

– Ты так не считаешь, Леший?..

Он перестал раскачиваться, однако не обернулся.

– Григорий...

– Скажи, Виктория, я свою работу уже выполнил или еще нет?
Она озадачилась. Вроде бы да – сопроводил...
– Ты как сам-то считаешь? – выкрутилась Вика.
– Это как посмотреть. Если сопроводить тебя попервости в фирму – то да. А если тебе подпоркой быть для отношений – то нет.
– Ты как-то странно говоришь...
– Короче, крутит твой Брежнев чего-то...
– С чего ты взял?!
– Уж больно сладкий.
– У меня пятьдесят один процент! Это тебе не хухры-мухры!
– Это мне и хухры, и мухры, и хрен собачий. Раз допустил – значит, интерес имеет.

Какой?

– Что ты имеешь в виду?
– А то, что не нравится мне такая разлюбезность.
– Да что ты в этом понимаешь? – издевательски спросила Вика. – В бизнесе?
– Я не в бизнесе понимаю. В людях. А ты ни в том, ни в другом.
– Да кто ты такой, чтобы со мной так разговаривать?!
– Бомж. Разговариваю, как умею. Не нравится – уйду. Думаешь, без твоей ванной и харчей не проживу? Так не думай! Проживу распрекрасно.
– Ты меня шантажируешь?!
– Виктория, ты мне тысячу баксов обещала?
– Ну.
– Не «ну»! А обещала. И за что обещала? Не за то, что я у тебя в ванной моюсь, верно?

А за то, чтоб быть твоим «тылом» – на случай, если чего не так выйдет. Лично мне такой щедрый прием кажется подозрительным. Если ты не согласна, то я больше тебе не нужен. Тогда я пошел.

Она молчала. Он разговаривал с ней, как с дебилкой. Он, бомж! Это было ужасно обидно.

– Так что? – поторопил ее Леший.
– Ну-у-у...
– Виктория!
– Ну-у-у-у...
– Вот размычалась... Беда с вами, бабами. Давай бумажки, что он тебе отксерил. Я почи-
таю.
– А я??? – слабо возмутилась Вика.
– Ты? Ужин приготовь, что ли... Жрать хоцца...

...Когда она вышла с кухни, Леший спал на диване в гостиной. Нагло так спал, на животе, раскинув ноги (одна свесилась с дивана на пол), и, прижатый диванной подушкой, рот его открылся... А бумаги, которые он якобы собирался изучить, валялись на полу врассыпную.

«Он меня водит за нос, – подумала Вика. – Он сохранил какой-то приличный лексикон из прошлой жизни да освежил его за две недели наших с ним упражнений и у телика. И теперь пытается произвести на меня впечатление. Он тоже понимает, что его услуги в результате не понадобились, ему неловко, и он старается доказать, что отработал свою тысячу!»

Вика решила: сейчас она накормит Лешего и расплатится, поблагодарив его за помощь. Вика в ней больше не нуждается. Ее прекрасно приняли на фирме, а она вовсе не дура – сама постепенно во всем разберется!

Она разбудила Лешего и подождала, пока он поест. За свою жизнь она твердо усвоила: с голодным мужчиной разговаривать нельзя. И только после того, как он прикончил на десерт порцию варенья, она спросила с издевкой:

- Ну и что там, в моей фирме? Прочитал бумаги? Чем она занимается, разобрался?
- Ага.
- Григорий... Не надо врать. Я же видела: ты спал!
- Так я прочитал и уснул.
- Прочитал? Так быстро? И все понял? – Вика ему не верила.
- Ага.
- Ну, и чем там занимаются?
- Шпионажем.
- Как это?! – вскинула брови Вика.
- А вот так. «Конкурентная разведка» называется это дело.
- Разведка???
- Да не пугайся ты так...
- Они же что-то охраняют! Бизнес вроде!
- Так и есть. Охраняют. От конкурентов.
- Но почему ты говоришь «разведка»?
- Чтобы охранять, надо знать врага. Чтобы знать врага, нужна разведка. Поняла?

- Нет.
- Ох ты боже мой.... Ну, ты в куклы играла в детстве?
- При чем тут? – насупилась Вика.
- А при том. Пример есть хороший. Знаешь куклу Барби?
- Конечно.

– Так вот слушай. По легенде выходит так, что Рут Хэндлер, одна из основателей гигантской компании по производству игрушек, придумала эту куклу, наблюдая за игрой своей дочери Барбары. Якобы она поняла, что дочь в игре представляет себя уже взрослой, и потому создала «взрослую» куклу для маленьких девочек. Только все это враки, рекламный свист.

На самом же деле эту куклу придумали в Германии в начале 50-х годов. Ее автор – Рейнхард Бютейн, который решил воплотить в куклу свой мультипликационный персонаж, Лили. Только эта кукольная Лили отнюдь не была ориентирована на детей: она являлась секс-символом для немецких мужчин. Поэтому и была задумана как шутка-сувенир, продававшийся в табачных киосках и барах.

Лили, однако, понравилась не только мужчинам, но детям и женщинам. Куклу раскупали быстро, продажи пошли по всей Европе. Как-то Рут Хэндлер с семьей отправилась в отпуск в швейцарский город Люцерн. Рассматривая витрины, ее дочь Барбара, которая была тогда подростком, указала на куклу, выглядевшую как взрослая женщина.

Об остальном ты можешь догадаться. Фактически, Рут Хэндлер сделала с Лили плагиат и назвала ее Барби – по имени своей дочери Барбары. Популярность американской куклы быстро росла, и ее настоящий автор, столкнувшись с плагиатом, сначала хотел подать в суд, но затем передумал и продал патент американцам за весьма скромную сумму. И вскоре разорился. А американцы сделали на ней миллиарды.

Теперь, Виктория, соображай: если бы он обладал такой структурой, как бизнес-разведка, способной оценить реальные масштабы рыночного интереса к этой кукле, он бы либо отсудил права на нее, либо продал патент значительно, значительно дороже! И ему бы на безбедную старость хватило, и внукам бы еще досталось...

- Леший, кто ты?!

– Виктория, ты меня достала. Когда я ем на газете, то одновременно читаю статьи, которые попадают под куском хлеба или колбасы.... А на память я не жалуюсь. Вот и все. Я бомж, мамзель, не строй иллюзий.

Вика задумалась. «Конкурентная разведка» звучало устрашающе. С охранниками, как ей представлялось до сих пор, все выглядело куда проще: некая фирма Х нанимает на такое-то мероприятие столько-то охранников. И дальше оставалось проверить лишь исправность платежей. С этим бы Вика справилась. Но «конкурентная разведка»?

– А это законно? – спросила она Лешего.

– Насколько я понимаю, да.

...С другой стороны, размышляла Вика, лет десять назад в стране не было никаких «конкурентных разведок» и «охран бизнеса». Все эти специалисты – они тоже начинали с нуля, как ее подруга Ната. Они учились, читали книжки, набивали на практике шишки... Почему же и она не сумеет освоить? Ну, в самом же деле, ведь она НЕ ДУРА!!!!

– Послушай, Виктория, – говорил меж тем Леший, – я так понимаю: тебе скучно, ты хочешь в бизнес поиграть. Тогда вот тебе мой совет: продай свою долю в фирме и открой косметический салон. Или солярий. Или цветочный магазин. Че-нить попроще. С «конкурентной разведкой» ты не справишься.

– Не делай из меня идиотку!

– Не лезь туда, Виктория! Там работают профессионалы. И ты будешь подписывать бумаги, смысл которых не понимаешь. А ответственность будет на тебе!

– Профессионалы! – хмыкнула она. – Таких не то что «профессионалов», а и слов недавно не было! Подумаешь, они научились – и я научусь! Тем более я же не буду сама заниматься «разведкой», а только следить за бизнесом...

– Ты ошибаешься. Это *давние* профессионалы. В такие фирмы часто идут люди из бывших спецслужб...

– Да откуда ты все это знаешь?! – Вика возмутилась. – Говоришь, что бомж, а лезешь рассуждать обо всем! Или ты не бомж? А сотрудник иностранной разведки? Вывеживаешь по помойкам государственные секреты?!

Леший посмотрел на ее возмущенное лицо и сухо ответил:

– Как хочешь. Я свое отработал, верно? Ты хотела сопровождения – я тебя сопроводил. Встретили тебя отлично. Теперь, коли ты в моей помощи больше не нуждаешься, я пошел.

– А если я попрошу тебя остаться еще? Помогать мне и дальше? И денег еще заплачу?

У Лешего загорелись глаза.

– Тогда другой расклад... – осторожно произнес он. – Если будешь моих советов слушаться.

– Вот я тебя и раскусила! Ты просто хочешь заработать на мне! Делаешь из меня дебилку, чтобы я поверила, что без тебя мне никуда! Обрати на помойку-то неохота, верно? Лучше ужин, и душ, и чистая постель, а? Ты просто мошенник! Убирайся!!!

Она швырнула на стол стопку денег, перетянутую резинкой, и отвернулась.

...Сначала он аккуратно повесил в шкаф дорогой костюм, снял с себя все, кроме трусов и носков, нисколько не обращая внимания на ее присутствие. Надел те дешевые джинсы и рубашку, что она купила ему в самом начале, – и все это без звука.

Закончив переодевание, он с сомнением осмотрел себя в зеркале, хмыкнул, потер подбородок – без бороды ему, наверное, не очень сподручно было возвращаться на помойку...

Вике стало страшно неловко и жалко его. Но, с другой стороны, не может же она жить с бомжом из жалости? А его помощь ей больше не нужна... Не нужна, да!

Наконец Леший положил в карман деньги, оглянулся, мазнув по ней взглядом, словно она была предметом интерьера, и вышел.

Ни тебе спасибо, ни до свидания. Неблагодарный!!!

Подсмотрев за ним в окно – он не обернулся, – она отчего-то расплакалась. Но вскоре взяла себя в руки и села за изучение бумаг.

Глава 8

Она довольно долго продиралась через специфический язык устава и поняла примерно следующее: одна компания хочет что-то узнать про другую. Ну, вроде как ревнивый муж про жену. И нанимает ее фирму ОБ («охрана бизнеса») пошпионить. Что ж, это в природе людей...

Мысли ее упорно возвращались к Лешему. Вместе с ним из дома что-то существенное убыло, словно он с собой унес стену, и теперь в квартире зияла дыра... Они прожили бок о бок три недели, и ни разу в жизни Вика не чувствовала себя так комфортно в общежитии с кем бы то ни было: ни с родителями, ни с подругами (случалось вместе пожить на отдыхе), ни с мужем... Присутствие Григория в ее квартирке, в ее личном, интимном пространстве, было ненавязчивым и легким, как хороший джаз...

И зачем она только сказала, что он хочет на ней заработать?! Это несправедливо, это, это... Просто он задел ее самолюбие, вот она и ляпнула... Ну, не дура ли?

Вика снова уткнула глаза в бумаги. Конфиденциальность заказов и секретность клиентов делали управление фирмой практически бессмысленным для человека со стороны. Миша как-то всем этим заправлял, но он был не со стороны, он разбирался прекрасно во всех вопросах... А что там делать ей, Вике, в фирме «Виктория»? К секретам ее никто не подпустит. Профessionалы знают, что да как делать, и в ее советах и руководстве не нуждаются... Уж лучше и впрямь косметический салон. Надо будет поговорить с Брежневым о продаже своей доли. Леший прав, черт бы его побрал!!!

Проезжая мимо помойки, она украдкой покосилась. Леший, развалясь на газоне, читал обрывок газеты. Второй, худой мужичок – так, сучок какой-то – возился вместе с женщиной, разбирая огромную сумку с хламом. Жильцы часто выносят к помойке вполне приличные вещи и не бросают их в ящики, а кладут рядом, специально для бомжей: может, им пригодится – не самим носить, так продать...

Вика присмотрелась к женщине и с удивлением поняла, что та достаточно молода. Темные волосы стояли ежиком, словно пару месяцев назад она брилась наголо. Вика вспомнила, что тогда она носила вязаную зеленую шапочку... Может, вши завелись и бомжиха решила вопрос радикально? Вика чуть не назвала ее мысленно Лешачкой, и ее вдруг передернуло: а нет ли у Лешего с ней отношений?

...Вот уж ничего смешнее нет на свете, чем ревновать бомжа к бомжихе! Вика сердито поддала газу и запретила себе думать о Лешем.

...Брежнев, однако, возразил.

– Продать вашу долю?! Что вы, Виктория Викторовна, это невозможно!

– Разве у меня нет такого права?

– Есть... – сдал немного Брежнев, – но подобные вещи с кондачка не делаются!

Существуют два других учредителя, – пояснил он, – и с ними придется считаться. Кроме того, надо найти того, кто захочет и сможет выкупить ее долю, ведь деньги немалые! Общество не акционерное, так что о продаже пакетов акций и речи быть не может. Но, *самое главное*, покупатель ее доли должен быть таким человеком, которому при этом фирма будет *полностью доверять*.

– И что же привело вас к такому решению? – спросил Брежнев.

Услышав, что Вика не видит своего места в «шпионской» фирме, а ей хочется дела понятного и интересного, Брежнев засмеялся.

– «Шпионская»? Это вы как-то по-советски мыслите, уж не обижайтесь... Наш товар – информация, причем не имеющая никакого отношения к государственным тайнам, пой-

мите, Вика! Наша сфера – бизнес. Как сказал известный миллиардер Онассис, «секрет бизнеса заключается в знании того, чего не знают другие». Я вам приведу пример...

– Про Барби?

– Нет, – удивился Брежнев, – с чего вы взяли?

– Просто так. Я где-то уже слышала историю...

– Тоже неплохая иллюстрация, – кивнул Брежнев. – Но у меня есть другая. Рассказывают, что когда Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, первыми об этом узнали братья Ротшильды по той простой причине, что находились непосредственно в районе сражений. И находились они там не случайно, а именно с целью получить информацию *первыми*. После чего они поторопились в Лондон, на биржу, где еще никто не знал о результатах битвы, и принялись продавать акции *союзников*. Их действия были поняты как информация о победе Наполеона, хотя это была, по сути, *дезинформация*. Остальные последовали примеру Ротшильдов и стали немедленно избавляться от акций союзников, на которые цены падали каждую минуту. А Ротшильды через подставных лиц их тут же скупали за бесценок.

На следующий день, когда весть о поражении Наполеона (и, соответственно, о победе союзников) дошла до Лондона, Ротшильды уже прибавили к своему состоянию десятки миллионов, тогда как огромное количество людей разорилось... Случилось даже несколько самоубийств. И важнейшим инструментом во всей этой истории была информация!

– Как это некрасиво, – поморщилась Вика.

– Бизнес – это игра. В ней нет понятий «хорошо – плохо». Иначе, по-вашему, хорошо воспитанный шахматист должен дать выиграть сопернику, чтобы его не огорчать? – Брежнев широко улыбнулся, и Вика вместе с ним, вынужденная согласиться с его доводами. Миша тоже так всегда говорил... – Бизнес-разведка – увлекательнейшее дело, – продолжал Леонид Ильич. – Вы просто пока не вникли! Наша деятельность крайне многообразна, и, к слову, в основном мы помогаем людям отнюдь *не обмануть*, а *не быть обманутыми*! Вот, к примеру: крупная компания X присмотрела себе кандидата на пост директора. Кандидат со стороны, внутри не нашлось достойного. Дипломами чувак украшен с ног до головы, только что в ушах не болтаются. И Гарвард, и Принстон, и что угодно. Несколько лет жил в Штатах. И что же там он делал, в Штатах? Учился и стажировки проходил, отвечает чувачок, а потом работал в одной известной фирме: вот дипломчики, вот бумажечки. Так мы, Вика, и сами бумажечек наштамповать можем, а потому им не верим! И как же выяснить подлинность этой кружавчатой истории? Может, он на самом деле все это время в американской тюрьме сидел за торговлю наркотиками? У компании X инструментов для проверки нет. А у нас есть. И приходит компания к нам и просит помочь. И мы помогаем!

– А как? Как все это можно разузнать?

– Вот, я смотрю, вы и заинтересовались!

Брежнев не перешел с ней на «ты», хотя и намекнул в прошлый раз, – и Вика была этому рада: она не чувствовала себя *на равных*, и «вы» ее защищало, сохраняя дистанцию.

– Другой пример, уважаемая Виктория Викторовна, – продолжал Брежнев. – В одном регионе вскоре намечаются выборы в местные органы власти. Все кандидаты-соперники известны наперечет, все друг с другом давно сжились, как соседи по коммуналке. Вдруг откуда ни возьмись появляется на данном игровом поле новенькая партийка. Да по всему видно, что с деньжатами, если учесть размах агитации. Кандидаты-ветераны беспокоятся: кто такие? Какие силы за ними стоят? Кто финансирует? Так они тоже к нам: разузнайте, мол! А еще лучше, компромат на них найдите, чтоб турнуть их с нашего игрового поля, пришельцев этих незваных, самим места мало... – Он скорчил смешную рожицу и расхохотался.

– А если компромата нет?

– Как нет? Найти не всегда удается, это верно. А темные делишки – так это всегда имеется. В белых воротничках к власти не приходят, тем более у нас и на данный исторический период!

– А как вы ищете?

– Вот поработаете с нами и разберетесь потихоньку... Еще примерчик, если вам интересно. Общественная фигура, тоже куда-то кандидатится. Может, на конкурс песни Евровидения, а может в мэры, неважно. И вдруг все медиа заболели желтухой и разразились поносом: полили нашу кандидатуру так, что мало не покажется.

Вы, может, по неопытности, думаете: накопили журналисты, землю носом прорыли? Ан нет, не так все просто! Понос этот кто-то предписал и проплатил – из вражеского нашей кандидатуре стана... Если о девчужке-певичке говорить, то играет против нее, скорей всего, спонсор другой певички – такой же безголосой, как первая, но спонсору сиськи второй больше нравятся... Ничего, что я так по-простому? А ежели о политическом кандидате – так ровно по той же схеме: кто-то его намеренно компрометирует, чтобы пропихнуть своих. Но уже не из-за такой малости, как сиськи, даже большие, но из политических интересов... Вы улавливаете, Вика?

Вика улавливала. Брежнев говорил о таких вещах, которые вроде бы каждому понятны. Только они, эти понятные вещи, обычно существуют где-то далеко – там, где насмерть бьются за место под солнцем. И вроде каждый понимает, что это не фикция, что реальность, но эту реальность обычные люди видят только в кино... А фирма «Виктория» находилась в самой ее гуще.

– И кто же разужнает, – продолжал Брежнев, – кому да зачем такое занадобилось? Опять же мы! Так что, как видите, работа наша увлекательная, что твой детектив... Вы детективы читать любите? Ну вот, а тут у нас детективы в рабочем порядке, так сказать... А вы говорите – неинтересно! Обижаете, голубушка!

– Да как же вы все это узнаете? Вы сказали: инструменты у вас есть. Что же за инструменты такие?

– Спецы – вот наш золотой фонд. Люди, которые знают, как искать и где искать.

– А все-таки?

– С ходу не поймете, Виктория, дорогуша, уж не обижайтесь. Ну а коротко если, то у нас три основных источника: анализ прессы – в наше время, слава богу, Интернет сильно облегчает задачу; затем получение информации из административных органов – какую недвижимость зарегистрировали или какую фирму открыли да какие налоги платят: все это информация открытая, доступная. Ну и работа с людьми, разумеется. С семьей поговорить, с соседями, с сослуживцами... Всего не описать.

– Догадываюсь, – усмехнулась Вика. – Ставите в интересующую фирму «жучки», а то и мини-камеры... Я слыхала, что камеру нынче можно упрятать в пачку сигарет и даже в пуговицу!

– А вот тут вы ошиблись. Подобные вещи незаконны, можно поплатиться и лицензией. А мы, как незабвенный Остап Ибрагимович Бендер, чтим Уголовный кодекс. Государственная разведка может себе позволить подобные вещи, но на то у нее имеется санкция государства. А у нас ее нет. «Quod licet Jovi, non licet bovi» – «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»...

Вика пребывала в растерянности. Перед ней открывался другой мир, совершенно незнакомый, довольно циничный, но... Надо признать, что было в нем что-то захватывающее. Если ей это окажется по силам...

– У вас есть время, Виктория Викторовна. Если вы действительно захотите продать вашу долю, то мы приступим к поиску покупателя, который будет соответствовать всем необходимым требованиям. А пока, если вам все-таки интересно...

Он прервался и вопросительно уставился на Вику. Она неуверенным кивком подтвердила, что так оно и есть.

– ... если вам интересно, то вот ваш кабинет, располагайтесь!

И Брежнев указал ей на директорский кабинет.

– Я вам дам некоторые наши старые дела для ознакомления, вникайте. Если возникнут вопросы, я всегда к вашим услугам. А пока я буду, как и раньше, подписывать все наши распоряжения от себя как ИО – исполняющий обязанности то есть.

– ИО – кого?

– Директора!

– А разве директор не вы?

– Раньше ваш супруг был.

– А теперь?

– Теперь вы.

– Я-а-а?

– Да как же, разве Михаил вам не сказал? Он рекомендовал нашему собранию вашу кандидатуру, все приняли... Не мог же он вам об этом не сказать!

– Я не... Не помню... Этот развод... Такой шок...

– А я-то думаю, что это вы все не являетесь! Мы вас тоже беспокоить не хотели, уважили ваши душевные переживания... Признаться, Миша чувствовал себя очень виноватым перед вами и мне тогда говорил, что расстроил вас очень...

Ничего себе! Вика напридумывала черт знает сколько маневров, подобрала с помойки бомжа, чтобы обеспечить себе тылы, а она, оказывается, уже давно директор! Вот почему Брежнев себя так повел в прошлый раз! Зря Леший беспокоился: ей просто обеспечили подобающий директору прием!

Ди-рек-тор... Это звучит красиво. «Я директор фирмы, занимающейся «конкурентной разведкой» – так она будет представляться. И все будут ахать. Звучит веско и непонятно. «Директор чего??? Что такое «конкурентная разведка»? РАЗВЕДКА?!» – будут спрашивать ее давние и будущие знакомые. Это что-то очень серьезное, государственной важности!

А уж Ната – так вообще позеленеет от зависти. У нее туристическое бюро, билеты-гостиницы, а у Вики – *конкурентная разведка*. Во как!

– Ну, не страшно, – утешил ее Брежнев. – Подпись не имеет большого значения. Лишь бы дела делались правильно. И доходы бы приносили. Верно? Не волнуйтесь, работа несложная. По сути, директор в обычном смысле слова тут и не нужен. Это, скорее, координатор. Наши парни работают самостоятельно и часто не могут даже назвать имя своего клиента: многие из них требуют полной секретности.

– То есть даже директор не может знать, в чем состоит их задание? Не нужно подписывать приказ, что такому-то поручается то-то?

– Нет. Вы имеете представление, как работает адвокатская контора? Те клиенты, которые приходят впервые в контору, обращаются к директору, а уж он передает дела другим адвокатам или оставляет себе, по своему усмотрению. Но у каждого адвоката есть своя клиентура, и в эти дела директор не вмешивается. Просто контора получает какой-то процент с каждого дела, вот и все. Ваш супруг таким директором и был: и сам работал, и остальных координировал. К слову, ваш секретарь... Надо, чтобы вы имели в виду: он не может быть допущен к нашим делам. Человек посторонний, нам неизвестный...

Вика отчего-то порозовела при упоминании о Григории. Стараясь скрыть смущение, она поторопилась занять место за столом и погрузилась в чтение.

Снова отвлекали мысли о Лешем, но она гнала их прочь...

Глава 9

Брежнев подсунул ей дело, в котором фирма «Виктория», по сути, приняла решающее участие в выигрыше одного тендера на очень высоком уровне, почти на правительственном. Схема выглядела так: был объявлен конкурс на строительство важного объекта в Москве. В конкурсе участвовало несколько разных компаний, но победительница, ухватившая выгодный заказ, странным образом воспроизвела ряд предложений, выдвинутых другой, проигравшей компанией. У последней возник вопрос об утечке информации в стан конкурента, и она обратилась в «Викторию» с просьбой расследовать, каким образом их разработки могли оказаться у конкурента.

«Виктория» справилась блестяще: был вычислен человек, сливавший информацию. Исправить результаты тендера уже не удалось, но компания-заказчик получила на будущее полезные инструкции по борьбе с утечкой информации, включая такие хитрые вещи, как нахождение прослушивающих устройств («жучков») в своем офисе, как слив «засланному казачку» ложной информации (то есть дезинформации, ну прям как в истории с Ротшильдами!)... И следующий тендер уже достался ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.